

ДИСКУССИЯ

С. В. АЛПАТОВ

Автобиографический дискурс — предельно широкое понятие, употребляемое с целью вовлечения в зону исследовательского внимания максимального числа форм, репрезентирующих, прежде всего, *личный опыт*, попутно и косвенно — *личные коммуникативные навыки, предпочтения, интенции*, и наконец, подспудно — личную «картинку» мира человека.

В последние десятилетия этой сферой с разных сторон и на разных уровнях плодотворно занимаются социология, культурная антропология, коммуникативная лингвистика, семиотика невербальных форм коммуникации, нарратология. Личные «миры» героя художественного (виртуального) текста, его создателя и реципиента — постоянный предмет рефлексии современного искусствоведения. Естественно, что научные интересы, методы и подходы к «автобиографии» каждой из дисциплин существенно отличны, и при интуитивно ощущаемом единстве объекта изучения результаты конкретных исследований лишь самым общим образом могут быть соотнесены друг с другом как проявления неких тенденций развития речевых и культурных практик, литературных, фольклорных и иных традиций в контексте конкретной эпохи и социальной структуры.

Тем не менее, «панорамный» взгляд на сферу автобиографического дискурса оказывается фундаментом частных разысканий и своего рода залогом того, что при изучении специфики конкретных феноменов, механизмов или регистров «жизнеописательных» практик исследователь не потеряет из виду живого целого процесса «самоописания»-самовыражения-самопознания.

Применительно к сфере фольклористики любые наблюдения над устными, письменными, визуальными автобиографическими текстами в конечном итоге должны давать материал для ответа на вопрос не только о соотношении индивидуального, приватного, личного с коллективным, общественным, универсальным, но именно о текстовых (во

всем спектре семиотических кодов) механизмах порождения, распространения, восприятия, интерпретации и оценки «я»-экспликаций.

Прямой путь выявления механизмов биографического самоописания носителями фольклорной традиции начинается с фиксации и комплексного анализа конкретных автобиографических феноменов, продолжается их систематизацией, и заканчивается построением типологии форм и практик «жизнеописания». В этом плане весьма интересны методические разработки Т. Б. Диановой.

С одной стороны, ею проведен детальный анализ значительного массива устных рассказов о войне, в результате которого выделен ряд характерных для биографического дискурса уровней: событийный, эмоционально-экспрессивный, актуально-коммуникативный, оценочный и «уровень биографических универсалий». Стоит отметить, что если первые четыре категории позволяют охарактеризовать как структуру отдельного автобиографического текста, так и свойства определенных групп текстов (женские, детские, «интеллектуальные» и т. п. автобиографии), то «биографические универсалии» (дистанция «настоящее — прошлое», рефлексия перемен и самого процесса припоминания) скорее характеризуют глубинные, концептуальные уровни автобиографического дискурса, и если и реализуются в конкретном тексте в виде устойчивых формул («трудно вспоминать», «вы этого не застали», «кому сейчас это интересно»), то едва ли этими формулами исчерпываются.

С другой стороны, Т. Б. Диановой предложена типологическая разметка автобиографической сферы фольклорной традиции в целом. Тезисы, изложенные в этой части статьи, несомненно, носят характер исследовательской перспективы. Особого внимания заслуживают феномены импровизации в причети и личностного («псевдоавтобиографического») проживания необрядовой лирики как два аспекта общего процесса индивидуализации стереотипного песенного текста. Сюда же, вероятно, стоит добавить и ситуацию обыгрывания личных отношений в формах хороводных игр (в «сюжетах» хороводно-игровых песен), в частушечных «прениях»-полилогах.

Констатируя плодотворность изложенных методик и перспективность намеченных векторов изучения автобиографического дискурса, укажем на возможность еще одного подхода к проблеме, предполагающего (в духе эвиденциальной парадигмы К. Гинзбурга) обнаружение системных связей автобиографических текстов внутри фольклорной традиции через тексты, *имитирующие* передачу личного опыта. Поясню последнюю мысль на примерах.

Распространенный на Русском Севере новеллистический сюжет о герое-отходнике, попавшем в логово разбойников либо помогающем выбраться из дома незадачливому любовнику (см., например, Соколовы Б. М. и Ю. М. «Сказки и песни Белозерского края», № 67 «Как я в Питер ходил») формально построен как автобиографический меморат и, несомненно, отсылает к традиции устных рассказов «питерщиков», вернувшихся на родину. Однако устойчивость нарративной рамки («как я... ходил») сочетается со столь же жесткой сюжетной схемой авантюрно-новеллистического плана при замене фоновых деталей, привязывающих действие к определенной местности: «До войны ходил в Шалу-поселок в Карелии бурлачить, на производство. Пошел, не помню в какую деревню зашел, попросился ночевать. А женщина меня пустила. А у ей ходил дружок к ней» [АКФ¹ 1959, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Медвежий остров. Машаков Павел Николаевич, 1913 г. р. Т. 13, № 61].

Более того, этот же сюжет может рассказываться от лица женщины («Как я в Питер ходила»): «Нас было шестеро детей у отца: три брата и три сестры. У отца земли было мало. Летом на Шалу пилить ходили. Зимой на вывозку. Ён хлеба купит да сахару, остальное пропьет. Нас не учил. И не кормил и не одевал. Две сестры постарше ... ёны одеты были. А у меня нет и сарафана. Я говорю: “Я не стану боле с вами жить. В Питер пойду”. Паспорт выправила, ну, пошла. Машин не было, пешком иду. Нарядилась в мужской костюм, как вы ходите. Я была рослая...» [АКФ 1960, Архангельская обл.,

Пудожский р-н, д. Песчаная. Никонова Александра Андреевна, 1887 г. р. Т. 24, № 62].

Подобная мимикрия классических фабулатов под автобиографическое повествование характеризует и другие типы сюжетов, например, о невесте из бани: «Хотите верьте, хотите нет, а приключилась со мной такая история. Вот, думаете, как я впервой женился? А так это было: на Рождество все ребята и девки кудесили. Ну знаете, молодёжь вместе собирается, на дорогу выходит, игры разные выдумывают, иногда гадают. К примеру, так это бывает: девки останавливают прохожего и просят сказать любое имя мужское — за того, значит, и замуж выйдут в нынешнем году. А со мной так было. Собрались мы, пять мужиков, да начали рядиться (на водку, значит), кто в одну баньку сходит да принесёт тёпленький камешок. Ну, мне и выпало идти...» [АКФ 1965, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Антоновская. Фомин Иван Осипович, 1905 г. р. Т. 37. № 120].

И довольно редкие, заимствованные из рукописных источников сюжеты (например, СУС 1613 «Карты — календарь и молитвенник») организуются «я»-рамкой: «Дак вот. Во время первой империалистической войны, — вы тогда еще не были, — служил я в тогдашнее время в армии, в Англии, — в союзных войсках. С товарищем один раз мы гуляли воскресное дело...» [АКФ 1962, Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Милетьевское. Коровин Константин Григорьевич, 1892 г. р. Т. 24, № 36].

Наконец, тексты, очевидно маркируемые как небылицы, регулярно используют нарративную форму мемората: «Вот так я скажу про себя, как жили мы, бывало, с дедушкой, богачи мы преогромные. 40 тысяч десятин земли имели. Скотины у нас с дедушкой было много: шесть кошек доённых и семь котов неезженных» [АКФ 1957, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Рагнозеро. Рябов Федор Петрович, 1883 г. р. Т. 11, № 77].

Пародическое использование формы автобиографического мемората свидетельствует о наличии и у рассказчика, и у слушателя стереотипных представлений о структуре и функциях такого рода рассказов в фольклорной традиции. Таким

¹ Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова.

образом, исследуя наряду с обычными автобиографиями их функциональные и поэтические трансформы, мы можем не только характеризовать автобиографический дискурс «изнутри», но и поверять наши наблюдения и выводы «внешними» системными связями автобиографий со всем спектром жанровых форм фольклорной традиции.

А. В. КОРОВАШКО

Татьяна Борисовна Дианова справедливо полагает, что для тех, кто занимается сегодня изучением автобиографических рассказов, главной задачей является, несомненно, «поиск адекватной методологии». При этом, с ее точки зрения, «основная сложность заключается в том, оценивать ли устную автобиографическую традицию в сложной совокупности составляющих ее уровней и многообразии текстов или рассматривать их виды по отдельности».

Однако следует признать, что подобная дихотомия является абсолютно надуманной, так как нарушает принцип «герменевтического круга», сформулированный еще Шлейермахером. Следование этому принципу, напомним, предполагает, что понимание целого складывается из понимания отдельных его частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого. Как писал Г. О. Винокур, «мне непонятна, к примеру, немецкая или латинская фраза, пока я не добрался в ней до глагола, я не знаю, родительный или винительный передо мной падеж в русском языке, пока я не раскрою синтаксических отношений данного слова: точно так же непонятен мне Гёте — автор Вертера, если я не знаю его как Веймарского министра, и ничего не пойму я в ребенке-Лермонтове, пока не узнаю о “вечно-печальной дуэли” на склоне Машука»¹. Поэтому и конкретная структура устной автобиографической традиции во всей ее гетерогенности и системной сложности может быть адекватно познана лишь при наличии множества первичных «дескрипций» — детально выполненных аналитических описаний отдельно взятых

¹ Винокур Г. О. Биография и культура [1927] // Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 40.

автобиографических текстов. Но, с другой стороны, такого рода единичные «исследования» не могут быть осуществлены на должном научном уровне, если в ходе их выполнения будет игнорироваться сопоставительный аспект изучения (говоря иначе, требуется постоянная «проекция» индивидуальной автобиографии на максимально широкий «экран» соответствующих дискурсивных стратегий).

На наш взгляд, требует некоторого уточнения и сама предметная область фольклорных автобиографических рассказов. Дело в том, что ее ни в коем случае нельзя сводить к «личному жизненному опыту» (personal experience story), а тем более к массиву тех фактов частного характера, которые при желании могут быть извлечены из любого фольклорного жанра (имя суженого, кличка коровы, отношение к соседям, количество детей и т. п.). Нужно помнить, что предмет любой биографии (и автобиография здесь не исключение) — это «личная жизнь в истории»², что «переживания», о которых говорится в статье Т. Б. Диановой, представляют первостепенный интерес для фольклориста только тогда, когда в них «отливается <...> отношение между историей и личностью»³, когда «становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл»⁴.

Роман Якобсон в свое время высказал мысль, что «предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением»⁵. Точно так же предметом фольклористического изучения автобиографических рассказов является не сухой экстракт анкетных данных («родился тогда-то», «женится на той-то», «переехал туда-то»), а способы словесного оформления «личного жизненного опыта», своего рода «поэтика» биографических переживаний. Разумеется, такого рода «поэтика» должна строиться не только, например, на базе когнитивной теории дискурса или теории речевых актов, но и на фундаменте фольклорной «генеологии» — науке о жанрах устного поэтического творчества. Последняя составляющая име-

² Там же, 30.

³ Там же, 44.

⁴ Там же.

⁵ Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 275.

ет, пожалуй, даже наибольший удельный вес, так как автобиографические повествования образуют «нечеткое множество», пересекающиеся со многими другими фольклорными жанрами (укажем в этой связи хотя бы на «обмирания», упоминаемые Т. Б. Диановой).

Если принять во внимание высказанные нами уточнения, то придется подвергнуть сомнению еще одно положение, содержащееся в статье Т. Б. Диановой. Мы имеем в виду тезис о том, что биографии, «**написанные профессионалами**» (коммерческие биографии, литературные, официальные, некрологи, энциклопедические справки, биографии, написанные историками), для «фольклорной традиции <...> не актуальны». Действительно, биографии этого типа могут быть неизвестны носителям живой фольклорной традиции. Но в некоторых случаях они могут представлять чрезвычайно большой интерес для тех, кто эту фольклорную традицию изучает. Это касается, например, мемуарных произведений таких писателей-«сказителей», как Борис Шергин или Степан Писахов, которые, вне всякого сомнения, широко использовали различные приемы аутентичного фольклорного нарратива (примечательно, кстати, что автобиографические тексты указанных авторов подходят и под первую, и под третью рубрики классификации В. Б. Голофаства). Кроме того, вполне допустимо влияние литературных жизнеописаний на выработку механизмов автобиографического фольклорного дискурса.

Таким образом, проблемы, поставленные в, безусловно, актуальной и содержательной статье Т. Б. Диановой, нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Т. Б. ДИАНОВА

Предложенная редакцией «Традиционной культуры» форма обсуждения публикуемых работ в форме реплик, по моему, весьма продуктивна: это своего рода преамбула к потенциально возможной дискуссии. Я благодарна уважаемым коллегам за проявленный интерес к теме, оценки и замечания и не могу отказать себе в праве ответного комментария.

Из реплик коллег следует, что круг их исследовательских ассоциаций с заявлен-

ной темой довольно широк. Примеры, приведенные С. В. Алпатовым, безусловно, относятся к иной культурной практике — сознательному развлечению слушателей занимательными рассказами (небылицами, бывальщинами, бухтинами, сказками). Авторы цитируемых рассказов — шутники-«профессионалы», которых В. Белов называл «заливальщиками и бухтинниками». Использование ими традиций автобиографического нарратива (как в части культурных сценариев, так и стиливых формул достоверности) служит псевдо-реалистической маскировке вымысла и сознательной мистификации слушателя. Наряду со «сценарием жизнеописания» в этих случаях нередко используется модель «путешествия» (ср. известное традиционной культуре биографическое повествование как пространственное перемещение). Тем не менее, Сергей Викторович справедливо указывает на тонкую грань между изложением событий собственной жизни в пределах допустимых традицией сценариев, топосов и стиливых стереотипов и нарочитой фикцией, допускающей «присвоение» событий, никогда в реальности не происходивших. Безусловно, эта сторона автобиографического дискурса была в полной мере освоена и разработана уже собственно в литературе.

Замечания А. В. Коровашко, в свою очередь, обнажают прежде всего литературоведческие аллюзии автора, распространение которых на область фольклора не всегда оправданно. Позволю себе комментарий относительно одного из предложений Алексея Валерьевича: основывать исследования фольклорных жанров на «фундаменте... фольклорной «генеологии»». Пожалуй, наиболее спорной составляющей фольклорной теории в настоящий момент является именно теория жанров, во многом игнорирующая существенное отличие фольклорного слова от литературного. Я бы сравнила эту теорию не с фундаментом, а, скорее, с зыбью, в которой фрагментарно можно нащупать твердые основания (преимущественно в части жанрового определения «крупных филологических форм»). В этой области нашей науке предстоит серьезная работа, в том числе преодоление предрассудков относительно недопустимости расширения методологического поля науки.